

как, оказалось, было не менее 1000 человек. Толпы солдат, грязных, заросших, бродили по двору в поисках чего-нибудь съестного. В стороне стоял кирпичный домик, по словам солдат, санчасть. «Вот где руку перевяжут» - подумал я.

Навстречу мне из домика вышла наша русская медсестричка. Она шла, низко опустив голову, и тихо спросила меня: «Куда?» - я ответил, что ранен в руку, надо бы перевязать... «Не ходи, они у всех только кровь забирают» - и пошла дальше. Я вернулся в свой барак. Снаружи к проволочному ограждению пытались подойти люди, но их отгоняли немцы. Люди издали бросали через проволочные заборы бурачки, морковку. Их хватали и моментально съедали. Раз в день в лагерь привозили бочки с пшененным супом. К ним выстраивались дикие очереди, а немцы с палками наводили порядок.

Я тоже стал в очередь. Котелка у меня не было и я подставил пилотку, что вызвало хохот немцев у бочки. Часть супа впиталась в ткань и засохла, на второй день это была уже не шапка, а котелок, засохший по форме головы. Посреди двора образовалась «толкучка». Там за махорку можно было выменять даже кусок хлеба. Но меня привлекло другое: у одного солдата в руках я увидел фанерку примерно 30 на 40 сантиметров.

Я сразу понял «Это то, что мне нужно!» И я угадал! С тех пор, когда я ложился вечером спать на асфальтовый пол, я подкладывал под бок эту фанерку. Сразу появлялось ощущение теплоты и удобства. А еще перед сном я вытаскивал из кармана кусочек сала, бережно завернутый в белую тряпочку. Я сосал это сальце – кусочек был величиной со спичечный коробок – я едва сдерживался, чтобы его не съесть, но каждое утро к баракам «подъезжала» бричка, запряженная 5-6 плленными, из бараков выносили умерших за ночь от истощения и от